

Парфянская баллада -2/ продолжение

Category: Kitarcy, Taryhy proza

написано kitarcy | 22 января, 2025

Парфянская баллада -2/ продолжение Рамин скакал рядом с верблюдом, на котором в золотом паланкине везли Вис. Беззаботно поглядывал он по сторонам, совсем забыв о маленькой девочке из Хузана, как вдруг легкий ветерок подергал и отбросил на мгновение парчовую занавеску...

Да, это была она! Но совсем не похожая на голоногую девочку, рвавшую гранаты. Все у нее было другое: матово-белое лицо, мягкий поворот плеч, открытая шея. И глаза... Совсем другие, непонятные глаза!.. Это уже потом он все пытался вспомнить. А тогда Рамин упал почему-то с коня и лежал без движений. Вся армия всполошилась и окружила его, не зная, что делать. Кто-то сказал, что брат шаханшаха заболел падучей.

Постепенно все же кровь начала возвращаться к лицу, с губ сошла синева, и он кое-как вскарабкался в седло. Но теперь Рамин уже не ехал рядом с паланкином, а, испуганно поглядывая на него, плелся где-то сзади. Он и желал, и смертельно боялся, что снова налетит ветерок и качнет занавеску... Как полны тревог мы, как хлопчем, когда заболевает человек паршивой лихорадкой. И смеемся обычно, когда трясет его от настоящей любви!..

На нетронутый райский сад во времена первого человека был похож Мерв, встречающий победителей. Все крыши города почернели от народа. Играла музыка, пели и плясали молодые колдуньи из храмов Солнца. Для утех народа знать щедро разбрасывала по улицам жемчуга, а чернь – яблоки, орехи и пряники.

Как щеки самой Вис, пламенели при въезде туда розы. Но не этой Вис, которую привезли в золотом паланкине с парчовой занавеской. Щеки у нее были от горя желтые как шафран, и дрожала она, как ветка на ветру...

И ничего не помогало, когда хотели развеселить ее. Не ела и не

пила она. Тонким, как иглы хвои, стало ее тело. Только посмотрит на Мубада, как начинает громко кричать и рвать на себе волосы. Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы не мамка-кормилица. Та самая, из Хузана...

Мы уже знаем, чьего молока больше пошло на Вис. И как только узнала мамка о ее положении, так сейчас же приказала оседлать тридцать быстроходных верблюдов. Нагрузив их хорошим хузанским провиантом, она, ни часу не мешкая, отправилась в Мерв и через семь дней была на месте. А увидев, в каком состоянии Вис, она тут же села на пол с ней рядом и, раздирая одежды, так заплакала, что весь Мерв притих.

– О, поникший тюльпан! – плакала мамка. – Гиацинт в золе! Похитили тебя в глухую ночь, – украли у меня покой и дочь! Ты без родных осталась ночью темной, – без дочери я сделалась бездомной!..

И так горько причитала она, что Вис, совсем расстроившись, начала царапать себе лицо ногтями. Поплавав как следует, мамка вытерла слезы и придвинулась к Вис.

– Зачем царапаешь такое красивое лицо? – сказала она. – Чем же любоваться будут тогда витязи всего мира? Луной? Так она на печеное яблоко похожа рядом с тобой! И высуши глаза, а то веки отсыреют и станут красными, как у зайца... Что же, Виру, конечно, молод и красив. Но разве победишь судьбу! Да и не так уж она неблагодарна к тебе. Ты умна, красива, жена царя царей! А с Виру кем была бы? Паршивой махабадской царицей. Что толку в его длинных волосах, за которыми он лучше смотрит, чем за женой! Теперь зато ты – шахиня. Как говорится, серебряного яблочка лишилась – апельсин из золота нашла. Бог закрыл одну дверь – распахнул другую, задул свечу – зажег звезду... А счастья захочешь, так здесь его – полный дворец. Только выбирай, и каждый за пояс заткнет тысячу Виру. Стоит лишь услышать тебе их мольбы!..

Говоря так, мамка расчесывала Вис, клала холодные примочки на глаза, сурьмила ей брови. Попутно она испекла душистые пироги с красной хузанской тыквой, которую привезла с собой, потому что ее очень любила Вис. А когда кончила она разговор, у Вис уже порозовели щеки. Такая была она в шахском платье, что

Солнце просило одолжить у нее немножко света. Но мамка видела, что Вис все думает о чем-то, и прямо спросила об этом.

– Ветка радости обломилась в моем сердце, – тихо сказала Вис. – И у судьбы нет запасных дверей. Об одном тебя прошу: сделай так, чтобы хоть один год не звал меня на свое ложе этот шаханшах, позвать бы ему лучше туда свою смерть. Пусть потеряет мужскую силу на это время. Зарежу себя, если приблизится он ко мне сейчас, да!..

Махабадцы всегда прибавляют к своим словам это певучее «да!», когда волнуются. И так сверкнули большие глаза Вис, что мамка не стала спорить. Поругав ее для приличия, она принялась за дело.

В Хузане ведь все – колдуньи. И мамка была не последняя среди них. Она быстренько разогрела кусочек бронзы и изваяла из него голую фигурку шаханшаха. Пошептав нужные слова, мамка надломила его мужскую силу. В темную глухую ночь отнесла она этот талисман к реке и зарыла в прибрежном холодном иле. «Пока будет лежать это в холоде, – объяснила она Вис, – шаханшах не запыхает страстью. Холод – самое полезное в таком деле!..»

Мамка предупредила Вис, что это только на один месяц, а потом она достанет талисман и расколдует шаханшаха. Но бедная Вис и этому обрадовалась, дав слово, что будет веселой и любезной...

Так и случилось, что когда вышла Вис к шаханшаху, погасив Луну и наполнив солнечный день сумраком своих кудрей, тот лишь мог смотреть на нее, как нищий на чужую золотую монету. Словно голодный лев на цепи, видящий перед собой сочную дичь, метался шаханшах. Но цепи такого страшного колдовства никому не расковать.

Это бы еще ничего. Но в ту самую ночь, когда закопала мамка шахский талисман в прибрежном иле, река вышла из берегов. То ли пошли сильные дожди, то ли снег начал быстрее таять в горах, но Мургаб вздулся, разлился по равнине, ломая дамбы, затопляя города и селения. Половина Мерва была смыта в одно мгновение. А уж куда вместе с илом был унесен жалкий маленький талисман, никому не известно. Так что положению шаханшаха можно было не завидовать!..

Мы склонны думать, что в беде шаханшаха было виновато не одно

хузанское колдовство. Немалую роль сыграл отварной рис без соли. И нам кажется, что мамка учитывала это...

● ВИС ВЛЮБЛЯЕТСЯ В РАМИНА

«Я видела, что он со мной лежал,
В своей руке он грудь мою держал...
То страсть горит в глазах огнем безумья,
То в голову приходят ей раздумья».
Гургани, «Вис и Рамин».

Рамин давно уже не был мальчиком. Придя в себя от потрясения, он немедленно начал искать пути к излечению своего недуга. А на пути этом стояла мамка из Хузана, которая одна имела влияние на Вис, ела и спала с ней. И Рамин обратился к мамке. За всю свою жизнь не слышал он столько проклятий, сколько выпало сразу ему на голову. Как только не называла она его: бесстыдником, вором, дураком, головорезом! В наши дни и произносить стыдно такие слова, какие говорила она ему. А потом выгнала вон и сказала, чтобы тени его больше не появлялось на камнях перед их домом. Но Рамин все ходил и ходил. И вот как-то...

Кто-нибудь может подумать, что если мамка, то обязательно – старуха. Ничего подобного: это была здоровая полнокровная хузанка с хорошими деревенскими ногами и будто молоком налитыми полными плечами. Однажды, уговаривая ее, Рамин задержал свой задумчивый взгляд на этих плечах. А Рамин носил уже тонкие черные усики над верхней губой. Как молодой гилянский дуб был он – узкий в талии, широкий в плечах, с мужественным румянцем на смуглом лице. Черные как ночь брови были у него и горячие голубые глаза. Но самое главное – усики! И когда положил он свои красивые сильные руки на эти теплые белые плечи, она... она уже не могла ему ни в чем отказать... Ох уж эти зороастрийцы!

А потом мамка пришла к Вис с разговором. Был этот хитрый разговор как ожерелье, рассыпавшееся по сердцу: что слышно от матери, пишет ли брат, почему скучная сидишь? И Вис рассказала, что снился ей Виру такой, каким никогда его не

видела. Молодой, горячий как солнце, сильный. И был он ночью рядом, совсем рядом, обнимал и целовал ее всю!.. И она разрыдалась.

Мамка принялась утешать ее. Она сказала, что так уж мир устроен, в котором все влюбленные страдают, не одна Вис. Вот недавно она видела юношу. Кипарис на восходе солнца! Разъяренный трехлетний барс! Тончайший волос пробивает копьем! А только полюбил – лицо, как солома, пожелтело. Даже страшно становится за него. Дни и ночи тоскует. Землю целует, где проходит та счастливица...

Как ни грустно было Вис, она все же спросила, в кого мог так влюбиться несчастный витязь. Вроде нет таких уж красавиц при этом паршивом дворе. Только после долгих уговоров мамка сказала, что это Вис. Совсем не желая этого, мучит она бедного юношу. Имени витязя мамка так и не назвала.

Три дня Вис все заводила разговор о том, как изменчивы и вероломны мужчины. Хоть и не видела их близко она, но хорошо знает, чего стоят их уверения в любви. Тысячи сетей расставляют, чтобы уловить в них невинную девушку. Мольбами, грустными взглядами, искусной лаской, а чаще всего силой добиваются они своего. И сразу не узнать их. Ее же и называют блудницей, потому что уступила. С презрением сторонятся они той, на которую вчера еще молились. Холодная зола там, где бушевало пламя... А женщина запуталась уже в цепях желаний. Как на медленном огне горит несчастная, и одно горе у нее от любви. Нет, не понимает она тех женщин, которые хоть на выстрел из лука подпускают к себе мужчин!..

Мамка слушала и молчала, пока Вис не рассердилась.

– Почему совсем не споришь со мной, да?! – спросила она. Но мамка отвечала, что согласна с ней.

Теперь о чем бы ни заходил разговор, Вис обязательно переводила его на мужское непостоянство. А заканчивала тем, что просила назвать того бедного витязя, который имел несчастье полюбить ее. Разве мало вокруг интересных молодых женщин, которые с радостью пошли бы на все? Как не повезло ему, что влюбился в такую порядочную девушку, как она! Нужно сказать ему, что это совершенно бесполезно!..

Много прошло времени, пока мамка согласилась. «Так и быть, – сказала она, – завтра на шахском приеме...»

На следующее утро Вис проснулась раньше мервских разносчиков воды. То она бледнела, как Луна на заре, а то вдруг струя молодого вина ударяла от ее сердца к щекам. Пять раз переодевала она платье в этот день...

Приемы у шаханшаха проходили теперь без угощений. Он терпеть не мог обжор и пьяниц, зато очень любил серьезную музыку. И Рамин в этот вечер пел, аккомпанируя на чанге. 9 Печальна была его песня, и слезы отчаяния стояли в прекрасных голубых глазах. А руки, смуглые, сильные руки, нежно перебирали струны, и благородный чанг плакал и жаловался на судьбу вместе с Рамином!

Не знал он, что Вис совсем близко. Дальними переходами привела ее сюда мамка. Чуть отведя балконный занавес, Вис посмотрела... Голубое небо Хузана качнулось, закружилось, и она начала медленно сползать вниз. Уже не детские, сильные мужские руки подхватили, понесли ее к Солнцу. И одна из этих рук властно и нежно легла ей на сердце...

Очнулась она в своей комнате, куда притащила ее мамка. Сильный жар был у Вис. Она металась по голубым шелковым подушкам и звала, звала... Вечером, когда мамка провела его в сад, Вис протянула свои хрустальные руки к Рамину...

● ШАХАНШАХ УЗНАЕТ ОБ ИЗМЕНЕ

«Но Вис от страсти так изнемогла,
Что стала и бесстрашна, и нагла...
Пусть буду заперта я на замок,
Но вор уже похитил все, что мог!»
Гургани, «Вис и Рамин».

Три мешка золотых динаров, дорогой красивый ларец, шесть нитей жемчуга, пятнадцать золотых колец с крупными алмазами и два фунта мускуса дал Рамин мамке в благодарность за ее доброту. И еще сказал, что целует землю у нее под ногами и отдает ей свою душу до конца дней. Но мамка не взяла подарков, а лишь оставила себе на память недорогой перстень без рубина. «Ты

как... как сын родной мне, – сказала она, всхлипнув, – и твой нежный взгляд для меня дороже золота!..»

Так хорошо распределились звезды на небе в это время, что шаханшах Мубад поехал в Кухистан на охоту. Рамин притворился больным. Он так сильно похудел, и такие большие синие круги были у него под глазами, что шаханшах приказал получше кормить Рамина в его отсутствие...

Что делали, как проводили время Вис и Рамин?.. Дни и ночи мелькали без перехода. Яркое Солнце стояло ночью у них в глазах, и прохладная черная ночь была в яркий день Вот почему, только в третий раз перечитав письмо, понял Рамин, о чем пишет ему шаханшах. В Кухистан зовет его – стереть ржавчину с сердец веселой охотой. И Вис он требует захватить с собой, чтобы не скучала, бедная, без шаханшаха...

Легок и светел был путь их через пустыню. Они уходили ночами далеко от дымных походных костров и ложились на горячий песок. Звезды сыпались с теплого неба. Ухали песчаные совы, плакали шакалы, барсы мяукали возле самой их головы. Но никто не трогал их, потому что не трогают дикие звери людей в это время...

Когда приехали они в Кухистан, Мубад обрадовался веселому блеску в глазах Вис. Какой шаханшах не уверен, что все чахнет без него и расцветает от одного его присутствия! А Вис действительно стала похожа на хорошо ухоженный цветок. Рамин был худой, но веселый.

Поохотившись как следует в Кухистане, все они поехали в Махабад. Пора было уже мириться с родственниками. Еще когда Мубад тайно увез Вис, мудрые люди посоветовали Виру не связываться. «Умный царя не оскорбит, – сказали они. – Чего добивается петух, бросаясь на лисицу?..» А молодой Виру, хоть и носил длинные волосы, был человек солидный и рассудительный. Вот почему он вместе с Шахру выехал навстречу шаханшаху с шахиней и поцеловал перед ними землю.

Много было тут радости, родственных объятий и поцелуев. День за днем шли праздничные игры и состязания, в которых всегда побеждали Виру и Рамин. Как-то вдвоем решили они съездить поохотиться в горы Армении. А Вис теперь дня не могла прожить,

чтобы не видеть Рамина. И мамка побежала на рассвете разбудить ее.

– Скорей иди на крышу! – шепнула она Вис. – Оттуда все увидишь и сможешь помахать рукой своему Рамину. Только тише, чтобы твой старый лопух не услышал!..

Рев разъяренного слона оглушил вдруг их обоих. Это вскочил раздетый шаханшах, который не спал и все слышал.

– А-а-а! – кричал он, махая руками. – Старая собака, потаскуха, сводня проклятая! Пусть крепкий град упадет на поля Хузана! Страна греха и блуда – Хузан! Одни подлость и разврат царят там, и для злодейства рождены хузанцы! Пусть все молоко выльется у их кормилиц, потому что одна зараза от этого молока! Лучше слепого взять в сторожа, чем хузанку в воспитательницы! Куда, кроме кладбища, приведет ворон-поводырь!..

Так громко кричал шаханшах, что весь дворец сбежался в их спальню.

– Опозорила меня твоя дочь, Шахру! Бесстыдная сестра у тебя, Виру! – плакал в гневе шаханшах, раскачиваясь и дергая себя за усы. – Грязной изменой отплатила мне за мою доброту! Возьми ее, Виру, и пройдишь хорошенько по ней утюгом, чтобы образумилась! И заберите скорей их обоих от меня, потому что, боюсь, изувечу подлых без всякой меры!.. Ослепить распутницу! На виселицу – мамку! Не брат мне Рамин! Выгнать за границу негодяя!..

Но тут вдруг Вис в одной нижней рубашке выпрямилась на ложе, ослепив всех своими хрустальными руками. И так бесстыдно посмотрела на шаханшаха, что тот замолчал от удивления. Она и не думала оправдываться.

– Ты прав во всем, что говоришь, могучий шах, да! – сказала Вис. – Тебе с Виру я принадлежу, и в вашей власти меня ослепить, отдать на корм диким зверям или с позором пустить босую по базару. Но ты только человек, хоть и шах. А может ли человек выколоть глаза любви? И что могут поделывать с любовью дикие звери? Где ты видел, чтобы любовь испугалась стыда? Я люблю Рамина!..

Шаханшах крутил головой, ничего не понимая. Но тут разгневался

Виру, схватил за волосы Вис и с криком потащил к Шахру.

– Весь наш род стыдом покрыла, проклятая! – разошелся он. – С самим шаханшахом, царем царей, как разговариваешь! Мужа не уважаешь! И себя, и меня на весь свет позоришь! При всех говоришь, что любишь этого Рамина!.. Да кто он такой, твой Рамин? Гуляка, пьяница, стихи только сочиняет. С евреями дружит, да!!!

Шахру со своей стороны набросилась на дочь, справедливо ругая ее за низкое поведение. Вис обвиняла во всем мать и брата, кляла шаханшаха. Такой шум стоял три дня в царском дворце, что невозможно было торговать на знаменитом махабадском базаре напротив...

Постепенно все успокоились, а пребывание шаханшаха в Махабаде закончилось старой конной игрой в мяч. Сам шаханшах Мубад участвовал в ристалище и, по единогласному мнению, играл лучше всех. Рамин и Виру не успевали почему-то к мячу, и шаханшах каждый раз опережал их. Мяч в этот день взлетал от его ударов до самого Сатурна. Даже Вис ласково махнула ему платком с крыши...

● ИЗГНАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ВИС

«Отчаянье Рамином овладело,
Не знал покоя дух и ложа тело...
Не знала сна, ни пищи, ни надежды,
В ней страсть жила, сорвав свои одежды».
Гургани, «Вис и Рамин».

Прекрасен Хорасан! Тому, кто знает пехлеви, ясен смысл. Хор и асан – Солнечный восход. И тому, кто не знает, понятно это радостное слово. Хорасан!.. Если в раю синее небо, сладкий воздух, а трава и деревья полны свежей зеленой кровью, то здесь второй рай! А есть ли в первом раю такой матовый виноград, такой крупный белый урюк, такие дыни – бахрман?! И если носят в первом раю прозрачные и легкие, как мечта, шелковые платья, то это из хорасанского шелка. Если и там есть бедняки, которым не по карману натуральный шелк, то они надевают блузки из хорасанского тонковолокнистого хлопка. А уж

если бывает в настоящем раю зима и приходится покупать пальто, то воротники на них, несомненно, из хорасанского каракуля. Разница только в цене: самый дорогой, конечно, сур – золотой каракуль, подешевле – серебряный, а для основной массы – обычный черный по полдирхема шкурка...

Неповторим Хорасан. Но есть в нем жемчужина, перед которой весь он, со своими полями, садами и тучными пастбищами, как сухая безжизненная пустыня. Эта жемчужина – Мерв!

Туда, в Мерв, и возвратился шаханшах Мубад с родней и советниками после поездки в Махабад. Со своей благородной женой Вис поднялся он на крышу большого шахского дворца. И сели они там на золотые стулья, как Сулейман с Балкис. 10 Солнце померкло от ослепительного величия шаханшаха, а Луна и не показывалась, боясь сравнений с Вис.

Весь Хорасан был виден отсюда. Зеленые волны садов заливали со всех сторон Мерв. Словно перегруженные белые корабли, плыли дворцы и библиотеки. Простых домов и видно не было, так глубоко утонули они. И совсем потерялся где-то скромный виновник этого праздника – ласковый Мургаб. Протянув друг другу самые большие ветки с обоих берегов, спрятали его от чужих глаз прижимистые карагачи. А может быть, принесся сюда жизнь с далеких Индийских гор, сам он захотел отдохнуть от горячего Солнца!..

– Разве не велик Хорасан! Не лучше ли он, чем твой Махабад? – спросил шаханшах Мубад у Вис. На свое горе спросил!..

Не Хорасаном интересовалась Вис. Даже если бы настоящий рай можно было увидеть с этой крыши, она бы не взглянула в ту сторону. Лишь один раз за всю дорогу увидела она Рамина, и то издали. Он как будто избегал ее!..

Совсем маленькими казались отсюда люди. Но большие глаза Вис сразу заметили молодого стройного всадника в мервском переулке, ведущем от базара. Он медленно ехал вдоль арыка, красиво положив руку на бедро и разговаривая с кем-то на теневой стороне. Ветки карагачей поредели, и в горящий уголь превратилось бедное маленькое сердце Вис. Он говорил с женщиной!!!

– Сто таких городов у меня, как Махабад! – не унимался

шаханшах. – И мир лежит в прахе у моих ног, как твой Виру!.. Витязь остановился, погорячил коня и перескочил вдруг арык. Он спрыгнул на землю и взял ту, подлую, за руку! Зеленые круги завертелись перед глазами Вис, а когда они пропали, никого уже не было и у арыка...

– Что же ты молчишь? – взорвался шаханшах. – Опять об этом Рамине думаешь?..

Вис посмотрела на него. Так отвратительны вдруг сделались его большие крашенные усы, что она не выдержала. Ей было уже все равно.

– Кого хочу – того люблю, да! – закричала она. – Да! Да! Да! Из-за него и тебя терплю! Ты для меня как острые шипы на его розе! А он, жестокий... он...

– Ах ты, сукина дочь, да! – захрипел шаханшах. – От вавилонских проституток твой род! И мать твоя Шахру тридцать ублюдков родила. Если есть среди них два от мужа, то хорошо!.. Вон видишь три дороги: одна в Гурган, другая в Демавенд, а третья – в Хамадан. По любой из них убирайся к чертовой матери! И пусть самые острые камни подвертываются тебе под ноги, и глаза твои пусть ослепнут от дорожной пыли!..

Вис не ругалась. Она вежливо поблагодарила царя царей и пошла собираться в дорогу. Легко и пусто было у нее на сердце.

– Есть ли на свете кто-нибудь несчастнее меня! – сказала она мамке, вздохнув. – У других женщин – добрые, хорошие мужья. И любовники у других не такие!..

С шаханшахом она простилась по-хорошему.

– Одно горе было у тебя со мной! – честно признала Вис. – Найди себе любящую жену. Сто таких, как я, служанок, приставь к этой достойной женщине. Будь счастливым без меня, а без тебя и я буду счастливей...

Весь Мерв плакал, когда она уезжала. Кто знает, почему любили ее...

Что горе всего Мерва по сравнению с рыданиями Рамина, когда узнал он об отъезде Вис! Деревья вяли вокруг, и трава не росла там, где падали его слезы... Он действительно не подходил близко к Вис, чтобы не прогневить шаханшаха. И у такого витязя было, конечно, в Мерве немало хороших знакомых. Не мог же он так,

сразу, порвать с ними...

Мир опустел без Вис. Такие же пушистые волосы и большие глаза были у его мервских знакомых. Так же светились их хрустальные руки, тот же был гранатовый сад, те же белые ноги. Может быть, даже лучшие ноги. Но только Вис была нужна Рамину... И уехала она, не простившись. Значит, не имеет он для нее значения... И к кому она так торопилась?!

Словно большой майский скорпион заполз в его сердце. Днем и ночью не давал он ему спать, как художник, рисуя в памяти все подробности свиданий с Вис. Только теперь не его, а чужие беззастенчивые руки ласкали ее. И Вис отвечала на эти ласки!.. Рамин вскакивал и бегал в отчаянии по комнате. А когда почувствовал он, что ни одной минуты не может больше быть без нее, сел и написал шаханшаху письмо.

«Шесть месяцев болел я, а теперь почти уже здоров, – было сказано там. – И леопарды мои скучают без добычи. Соколы совсем разучились падать с неба на жирных куропаток. Мой конь – верный Рахш – еле передвигает ноги. Сердце мое устало биться от безделья, а голова кружится от скуки. Нет счастья в неподвижности. Пусть разрешит мне великий и мудрый царь царей, гроза и услада Вселенной, поохотиться во славу его в Гаргане и Сари, где много пернатой дичи. Оттуда я поеду в Амуть, который славится дикими свиньями. На козлов и онагров я поохочусь в Кухистане, на ланей – в Азербайгане...»

Все поднебесные страны, кроме Махабада, перечислил Рамин, и всех зверей, кроме той серны, для которой готовил стрелу. Но не такой еще дурак был шаханшах, каким он стал потом. Пока не дал ему Рамин честное слово, что как черную чуму будет обходить Вис, шаханшах не отпускал его. На дорогу он посоветовал Рамину найти себе хорошую жену в Кухистане. Там, говорят, хоть и не очень красивые, но порядочные и домовитые женщины. Что еще надо молодому человеку, да?.. В Хорасане теперь все прибавляли к своим словам протяжное махабадское «да-а».

Как стрела, пущенная из лука метким стрелком в хорошую погоду, устремился Рамин прямо в Махабад. Всех леопардов и соколов отпустил он по дороге, чтобы не задерживали его. Черной чумы

Рамин не боялся...

Ну, а Вис? Что она делала все это время?.. Родня есть родня. Поругав старого дурака за плохое отношение к молодой жене, да еще из такой хорошей семьи, ей выделили самую лучшую комнату в махабадском дворце. Окна ее выходили на Восток...

Совсем не узнать было Вис. Она уже не подводила бровей, не красила ногти, в тугую косу заплетала волосы. Платье носила простое, из махабадского полотна. Светлым стало ее лицо. Каждое утро садилась Вис у окна и смотрела на пылающий Хорасан. Первое, самое чистое Солнце видела она, и сердце ее нагревалось от радости и предчувствий.

И вот как-то не одно, а сразу два Солнца встали на Востоке, и Вис ослепла, задохнулась от счастья. Это был Рамин...

Семь месяцев они видели только друг друга и не устали. Все дело было в шах-туте, царском тутовнике, которым славится Махабад. Кто не знает его целебных свойств! Полные шапки теплых фиолетовых ягод приносили им дети. Рты, подбородки, руки у Вис и Рамина уже ничем нельзя было отмыть. С утра до вечера и с вечера до утра ели они один шах-тут, и где только не оставалось у них сладких лиловых пятен... Солнцем и горами пахли Вис и Рамин...

Распивая крепкое, как огонь, тутовое вино, не заметили они, что пришла зима. Холодный порывистый ветер дул из Хорасана, горстями бросая в окно к ним то дождь, то мокрый снег. В один из таких дней, когда совсем черно было за окном от снега, страшно заревели невидимые трубы. Рамин едва успел натянуть рубашку и выскочить через заднюю дверь. Шаханшах приехал за Вис...

Очень удивился он, застав жену в простой домашней одежде, не накрашенную и с распущенными волосами. Даже не умыта была она, с испачканным синим ртом и руками. Вис спокойно пригласила сесть озябшего в дороге шаханшаха, приказала хорошо проварить для него рис и вела себя так, будто ничего не было между ними в Мерве. Не знал что и подумать шаханшах, увидев Вис в такой обстановке. Проклятия, которые накопились в нем за дорогу, выветрились из головы. Так и не сказал он ни одного плохого слова...

Две недели назад получил шаханшах Мубад небольшое письмо без подписи. Какой-то хороший человек сообщал ему, что Рамин живет у Вис в Махабаде. Буквы были неровные, как будто пьяные. Кто мог написать такую клевету?! Когда шаханшах рассказывал об этом, у Виру все время вздрагивала от возмущения левая рука. Она у него дрожала потом всю жизнь. А на старости лет отсохла... Как бы между прочим спросил шаханшах и о Рамине.

– Разве он в Махабаде?! – удивилась Вис, и глаза ее сделались еще больше. – Ах да, я его как-то осенью в окно видела. Некрасивый такой, усы сбрил... Совсем мальчишка!

Шаханшах погладил свои пышные усы.

БЕГСТВО ВИС И РАМИНА

Не беспокойся ни о чем, живи

Лишь для любви, лишь для одной любви!

Гургани, «Вис и Рамин»

Только взяв клятву с шаханшаха, что не будет больше приставать с недостойными подозрениями, согласилась Вис поехать с ним обратно в Мерв. Шаханшах помолодел сразу от радости. Взяли они с собой оказавшегося тут же в Махабаде Рамина...

Но все ту же рисовую кашу без масла продолжал есть шаханшах, и талисман его никак не находился. Поэтому не прошло и недели, как начал он себе в усы, а потом все громче говорить, что только ради проклятого Рамина сидела она так долго в Махабаде. Если бы Вис, как все порядочные женщины, любила мужа, то и половины того времени, которое провела она в Махабаде, хватило бы, чтобы соскучиться. Вис молчала и думала, что ему, наверно, легче бы стало от ее признания.

– Я решил тебя испытать! – сказал ей однажды утром шаханшах. – Всеочищающий огонь есть частица самого Солнца. Лишь Ахриману страшен он, а честная и непорочная пройдет сквозь него, не закоптив носа...

Вис подумала сначала, что он шутит. Но когда увидела, что полсотни мулов с утра возят сухие дрова на площадь между дворцом и главным храмом, ей стало не по себе. А шаханшах собрал уже всех жрецов, военачальников и советников. Со всего города бежали люди посмотреть, кого собираются сжечь царь царей.

– Сначала дашь клятву верности, а потом не спеша пойдешь через огонь! – учил шаханшах жену. – Только не торопись. Как прохладный ветерок будет он для тебя, если ты невинна. Это самый удобный случай доказать, что неправду говорят о тебе с Рамином...

Шаханшах сам вынес из храма священный огонь и поджег костер. Камфарою разжигал он его, а чтобы Вис было приятней, подбрасывал сандал, амбру и мускус. Как вулкан разбушевался костер, и словно второй – огненный – небосвод встал над миром. Языки пламени лизали небо. А весь Мерв удивлялся, не понимая, что происходит. Культурные люди давно забыли этот варварский обычай.

– Видишь, что придумал старый болван, да! – сказала Вис Рамину.

– Не такой он болван, как тебе кажется! – ответил Рамин и внимательно посмотрел на шаханшаха. Радостный, возбужденный, как перед свиданием, ходил тот вокруг огня. Клочковатые усы его дымились, в слезливых глазах прыгали два сумасшедших костра. Чуть заметная улыбка кривила его губы.

– Так пусть сам сгорит от злобы царь царей! – сказала Вис. Под видом того, что ей надо приготовиться, она пошла во дворец. Там у задней стены ее ждала мамка с хорошей шерстяной веревкой. Захватив золото и жемчуг из ларцов, они перелезли на ту сторону, где стоял Рамин, переодетый женщиной.

Легче найти потерянную в море жемчужину, чем человека в мервских переулках. Одни сонные собаки встречались им по дороге. Все трое быстро дошли туда, где приготовлены были лошади. Когда шаханшах, удивленный долгим отсутствием Вис, пошел искать ее во дворец, они уже были далеко. Если бы шаханшаха не удержали, он сам бросился бы в свой костер...

Почему у таких, как Рамин, кругом бывают друзья?.. Другие честно женятся, работают не покладая рук, не пьют и не курят, а люди почему-то обходят их. Вот Виру, например...

Один из самых лучших друзей Рамина жил в Рее. Звали его Бехруз, а все называли Шеру – Счастливым. К нему на десятую ночь постучались Вис и Рамин.

– Тебя ли вижу, дорогой Рамин! – вскричал толстый Бехруз,

обнимая и целуя друга. – Сам не знаю, как захватил сегодня на ночь лишней кувшин вина из погреба. Сердце подтолкнуло руку!.. На ковре уже стояли стаканы, лежала различная еда и, словно для Рамина, валялся в стороне чанг. Омыв руки теплой водой из кумгана, они через каких-нибудь десять минут с аппетитом ели и пили, поднимая стаканы за хорошую дорогу, за благополучный приезд, за хозяина дома, за его торговлю. Как всякий воспитанный человек, Бехруз не спрашивал, что за Луну привез с собой Рамин и почему сам он приехал в юбке и под покрывалом. – Разве ты не знаешь, почему зовут меня Счастливым? – сказал Бехруз, когда Рамин рассказал ему все. – Потому что живу я для дружбы. Посмотри на людей. Одни блудливо поводят глазами и все время втягивают носом воздух. Это те, кого одолевает мелкая похоть. Возле каждой юбки задерживаются они, не интересуясь, какое лицо под покрывалом. Свое счастье они о...

(Продолжение)... » Taryhy proza